

УДК 343.2

А.В. Пилюк

**СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ИНСТИТУТА ОСОБОГО ПОРЯДКА ПРИНЯТИЯ СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ ПРИ СОГЛАСИИ ЛИЦА С ПРЕДЪЯВЛЕННЫМ ОБВИНЕНИЕМ**

Положения УПК РФ, регламентирующие особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с обвинением, не содержат достаточных гарантий от осуждения невиновного. Поскольку российский уголовный процесс исторически ориентирован на вынесение обоснованного, законного решения, принятие которого возможно лишь в результате исследования совокупности доказательств, следует скорректировать нормы действующего закона в направлении возвращения к положениям континентального процесса. В статье освещаются имеющиеся проблемы и высказываются предложения по совершенствованию законодательства.

**Ключевые слова:** *цель уголовного процесса, принцип публичности, упрощенное уголовное судопроизводство, особый порядок принятия судебного решения, тип уголовного судопроизводства.*

Основная претензия, высказываемая к особому порядку судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением, заключается в том, что при его применении суд не проверяет доказательств вины подсудимого, представленные органом предварительного расследования, презюмируя их добросовестность, что может привести к вынесению необоснованного приговора и осуждению невиновного. Как известно, закон, в частности положения ч. 5 и 8 ст. 316 УПК РФ, фактически заставляют суд исследовать доказательства при применении положений главы 40 УПК РФ.

Отдельные авторы, впрочем, полагают, что суд (судья) и в рамках особого порядка производит исследование доказательств, устанавливая все подлежащие доказыванию обстоятельства и делая самостоятельные выводы [1, с. 146, 156].

Представляется, данное толкование является попыткой выдать «желаемое за действительное». Досудебная обвинительная установка у судьи действительно складывается, но фактически в непроцессуальном порядке и лишь на основании письменных доказательств, причем сформированных органом расследования, что не исключает их недостоверности, доказывания же судебного в процессе (если не считать таковым изучение вопроса о личности подсудимого) не производится вообще. При рассмотрении данного вопроса следует согласиться с мнением о том, что в силу специфики предварительного расследования формирование ценности доказательств (главным образом, такого их качества, как достоверность) завершается в стадии судебного разбирательства посредством исследования их на новой, более качественной основе, в связи с чем окончательные выводы органа расследования по уголовному делу следует считать только вероятными, достоверное же знание может быть получено лишь в судебном заседании [2, с. 21].

Проблема довольно очевидна: при применении сокращенной процедуры не имеется достаточных гарантий от необоснованного осуждения невиновного либо осуждения лица за более тяжкое, чем он

совершил, деяние. А поскольку российский уголовный процесс, процесс континентального типа, исторически ориентирован на поиск справедливости, на установление истины, достаточно очевиден и путь ее решения: нормы действующего уголовного-процессуального закона следует скорректировать так, чтобы наибольшим образом обеспечить выполнение назначения российского национального судопроизводства.

Известно, что процессуалистами высказывались предложения по совершенствованию особого порядка. И.Л. Петрухин, анализируя УПК РФ непосредственно после его принятия, указывал, что в целях устранения возможности осуждения невиновного следовало бы внести в УПК РФ положение об обязательном допросе в судебном заседании подсудимого [3, с. 21]. Предлагалось также обязать судью в описательно-мотивировочной части приговора ссылаться на исследованные в заседании обстоятельства (отягчающие, смягчающие, характеризующие личность) и приводить мотивы избрания того или иного вида наказания [4, с. 273], высказывались и иные соображения, однако они касались отдельных аспектов, не предполагая концептуального изменения конструкции особого порядка принятия решения.

Представляется, что основным вектором совершенствования особого порядка принятия судебного решения при согласии обвиняемого с обвинением должно стать возвращение к континентальной конструкции данной части процесса.

Верность подобных рассуждений подтверждается тем, что правоприменитель в лице Верховного Суда РФ, несмотря на отсутствие процессуальных механизмов исследования доказательств, требует от судей и при применении особого порядка руководствоваться достоверными выводами, постановляя обвинительный приговор лишь в случае убежденности в виновности подсудимого и «доказанности обвинения», как указано в Постановлении Пленума Верховного Суда № 60 от 5 декабря 2006 г. «О применении судами особого порядка судебного разби-

рательства уголовных дел». О частичном возвращении к континентальной конструкции сокращенных производств свидетельствует и то, что законодатель, Федеральным законом № 23-ФЗ от 04.03.2013 г. дополнив УПК РФ нормами главы 32.1 УПК РФ, в ч. 2 ст. 226.9 УПК РФ фактически закрепил возможность производства судом исследования и оценки доказательств, которые указаны в обвинительном постановлении, при рассмотрении дел, по которым производилось сокращенное дознание. Достаточно показательна и ч. 4 ст. 226.9 УПК РФ, согласно которой при поступлении возражения стороны по делу, по которому производилось дознание в сокращенной форме, с применением особого порядка судебного разбирательства, а равно по собственной инициативе в случае установления обстоятельств, препятствующих постановлению законного, обоснованного и справедливого приговора, в том числе при наличии достаточных оснований полагать самоговор подсудимого, судья должен вынести постановление о возвращении уголовного дела прокурору для передачи его по подследственности и производства дознания в общем порядке. Прогрессивность данных норм заключается уже в том, что впервые после принятия УПК РФ законодатель применительно к сокращенным процедурам использовал в уголовно-процессуальном законе термины, характерные для континентального российского судопроизводства, требующего от суда установления действительных обстоятельств деяния и принятия обоснованного, справедливого решения.

А раз подобные требования к суду имеются, вопрос следует решать кардинально, убрав из УПК РФ положения ч. 5 и ч. 8 ст. 316 УПК РФ, устанавливающие, что судья при рассмотрении дела в особом порядке не проводит исследование и оценку доказательств, собранных по уголовному делу. Если (и поскольку) суд в континентальном судопроизводстве обязан отвечать за результат своей деятельности и, в конечном итоге, нести ответственность за состояние правопорядка в обществе, он должен быть наделен возможностью выяснять в судебном заседании все юридически значимые моменты.

Отметим, что об автоматическом переходе к общему порядку судебного разбирательства речи не идет. Круг обстоятельств, подлежащих доказыванию, определен в законе. Согласно положений ст. 73 УПК РФ, как известно, при производстве по уголовному делу подлежат доказыванию: 1) событие преступления (время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления); 2) виновность лица в совершении преступления, форма его вины и мотивы; 3) обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого; 4) характер и размер вреда, причиненного преступлением; 5) обстоятельства, исключающие преступность и наказуемость деяния; 6) обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание; 7) обстоятельства, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности

и наказания; 8) обстоятельства, подтверждающие, что имущество, подлежащее конфискации в соответствии со ст. 104.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, получено в результате совершения преступления или является доходами от этого имущества либо использовалось или предназначалось для использования в качестве орудия преступления либо для финансирования терроризма, организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации).

В настоящее время при рассмотрении дела, по которому производилось предварительное расследование, суд может исследовать (и то в усеченном варианте, «без проведения судебного разбирательства») лишь обстоятельства, характеризующие личность подсудимого, и обстоятельства, смягчающие и отягчающие доказательства, чего явно недостаточно для вынесения законного и обоснованного приговора, данные обстоятельства вообще не входят в понятие т.н. «главного факта», который суд, по М.С. Строговичу, должен установить для принятия обоснованного решения [5, с. 83].

Континентальное судопроизводство выдвигает для суда, рассматривающего дело, требование выяснить все обстоятельства, подлежащие доказыванию, причем какие-либо из них по конкретному делу могут быть более очевидны, а какие-то менее. Следует закрепить в законе обязанность судьи убедиться в том, что все обстоятельства, подлежащие доказыванию, по делу установлены, а при сомнениях в качествах каких-либо из них у суда должна быть возможность исследовать полученные органом расследования доказательства в том объеме, в котором суд это посчитает нужным сделать, вплоть до самостоятельного истребования каких-либо данных. От общего порядка такая деятельность будет отличаться тем, что изучаться и исследоваться будут именно те обстоятельства, которые суд (и стороны) сочтут необходимыми для вынесения законного приговора. К примеру, помимо вопросов, непосредственно относящихся к преступлению и виновности в нем лица, могут быть уточнены вопросы квалификации деяния, характер и размер вреда, невыяснение которых в настоящее время является фактически традиционным основанием для отмены либо изменения приговоров суда<sup>1</sup>.

При таком подходе положения ст. 317 УПК РФ о недопустимости обжалования приговора, вынесенного в особом порядке, по мотивам несоответствия выводов суда фактическим обстоятельствам дела, также целесообразно исключить из уголовно-процессуального закона. Приговор, не отвечающий объективной реальности и противоречащий обстоя-

<sup>1</sup> По данным основаниям, к примеру, в Тюменской и Московской областях, Хабаровском крае уже за три первых месяца 2013 года отменено и изменено в среднем соответственно 43,1; 39,7 и 24,6 % от обжалованных отмененных (измененных) приговоров, вынесенных в особом порядке.

тельствам совершенного деяния, не есть акт правосудия.

Лишь при применении подобной конструкции можно будет говорить о том, что цели и принципы российского процесса остались прежними. Начать же следует с реализации предложения о закреплении в уголовно-процессуальном законе положения об обязательности допроса подсудимого, признающего себя виновным и ходатайствующего о постановлении приговора с применением льготы. Именно при допросе подсудимого суд должен убедиться, что он является, во-первых, надлежащим субъектом, во-вторых, что он осознает характер своего деяния, согласен со своей виновностью, в-третьих, суду при допросе подсудимого проще уточнить и правильность квалификации и иные необходимые обстоятельства. В настоящее же время, согласно ч. 4 ст. 316 УПК РФ, суд «опрашивает» подсудимого, понятно ли ему обвинение, добровольно ли он заявил ходатайство о рассмотрении дела в особом порядке и изучает иные вопросы, не относящиеся к существу обвинения, чего явно недостаточно.

Что касается потерпевшего, правила о его обязательном допросе в уголовно-процессуальном законе, как представляется, закреплять не следует, хотя суд, как указано выше, должен быть наделен правом при необходимости осуществить любые действия, в том числе и его допрос. Изложенное не связано с тем, что права потерпевшего менее важны, чем права подсудимого, ценность их равнозначна. Допрос потерпевшего сам по себе может дать информацию, необходимую для доказывания, лишь в определенных случаях, в частности, по делам, связанным с воздействием на личность, таким, как грабеж, разбой, причинение телесных повреждений различной тяжести, по обвинению же лица в совершении тайного хищения имущества, совершении налоговых, финансовых преступлений ценность показаний потерпевшего невелика. УК РФ содержит также множество составов, где потерпевшего либо нет вовсе, либо его роль выполняют законные представители. Конечно, если потерпевший желает высказаться и участвовать в рассмотрении дела в особом порядке, отказывать ему в этом нельзя, мы ведем речь именно об обязательности определенных действий.

Что касается согласия прокурора и потерпевшего на применение особого порядка, большого смысла в его наличии (либо в обязательности такого согласия для суда) нет. Подсудимый признал себя виновным, то есть прокурор уже «выиграл спор», у потерпевшего же при согласии подсудимого с обвинением также возникают основания для осуществления юридически значимых действий, совершаемых в гражданском либо ином порядке: взыскания ущерба, лишения родительских прав и т.д. К примеру, согласно положениям ч. 4 ст. 61 Гражданского процессуального кодекса РФ, приговор суда по уголовному делу для суда, рассматривающего гражданский спор, в части обстоятельств, им установлен-

ных, имеет значение преюдиции. Фактически же, как показывает изучение практики, и прокурор, и потерпевший дают согласие не на рассмотрение дела в упрощенном порядке, а, как они считают, согласие на применение льготы по наказанию.

Возникает вопрос, что первично: установление истины, признание виновности подсудимым как стороной в споре или применение льготы? В конструкциях, реализованных в настоящее время, создается впечатление, что особый порядок нужен для применения льготы, государство и стимулирует лицо к признанию вины, обещая скидку по наказанию.

Исследования показывают, что прокуроры руководствуются при даче согласия на рассмотрение дела в особом порядке своими представлениями об общественной опасности преступления (38,7%), данными, характеризующими личность подсудимого (63,4%), 17,6% опрошенных прокуроров мотивом своих решений назвали также оценку судебных перспектив при рассмотрении уголовного дела в общем порядке и доказанность преступления. Потерпевшие, не соглашающиеся на применение упрощенного порядка, ссылаются в основном на то, что преступник, по их мнению, должен быть наказан максимально жестко, большую роль играет также момент возмещения (или невозмещения) потерпевшим вреда.

Представляется, данная конструкция также нуждается в корректировке. Очевидно, что в настоящее время превалирует субъективный фактор, прокурор может дать, а может и не дать согласия на применение сокращенного порядка, объективных критериев для этого нет. Подобное положение не характерно для романо-германского судопроизводства, исходя из положения о равенстве всех перед законом и судом. Вместе с тем нельзя и автоматически уравнивать всех: как законопослушных лиц, впервые совершивших преступление, так и лиц, для которых преступная деятельность является своеобразным промыслом. Исследования показывают, что на применение особых процедур охотнее всего идут как раз подсудимые, совершившие преступление в условиях очевидности, в общественных местах, ранее неоднократно судимые, хорошо понимающие, что при прочих равных условиях им вряд ли удастся избежать либо уменьшить меру уголовной репрессии со стороны государства. При изучении практики нам встретились дела, по которым лица были осуждены в особом порядке, причем за аналогичные преступления, и 3, и 4, и даже 5–6 раз, несмотря на довольно короткий период существования данной сокращенной формы. Думается, излишне спрашивать, способствует ли процедура, предусмотренная главой 40 УПК РФ, исправлению и перевоспитанию, хотя подобная задача в настоящее время и не ставится государством в качестве приоритетной.

С учетом изложенного представляется, что необходимо указать в уголовно-процессуальном и уголовном законе, что суд вправе не применять льготу

по наказанию к определенным категориям лиц, в частности к лицам, совершившим преступления повторно, рецидивистам и т.д., то есть вернуться к конструкциям, реализуемым в УК и УПК РСФСР. Если лицо, не подпадающее под льготную категорию, желает признать себя виновным, загладить причиненный вред, способствовать устранению его последствий – это его право, как известно, УК РФ содержит большой перечень смягчающих обстоятельств, причем ч. 2 ст. 61 УК РФ устанавливает, что суд может признать смягчающими и обстоятельства, не указанные в ч. 1 этой статьи, но гарантировать льготу по наказанию всем вряд ли справедливо и целесообразно. Общество не должно уговаривать убежденных преступников, у суда и при несогласии лица с особым порядком достаточно возможностей и полномочий рассмотреть уголовное дело и, установив фактические обстоятельства, принять законное и справедливое решение. Думается, на первом плане должна остаться не льгота, не экономия финансовых ресурсов любой ценой, а добровольное признание вины, раскаяние и заглаживание вреда, то есть то, что и должен стимулировать разумный законодатель. Именно так и никак иначе решается возможность применения упрощенных

форм в развитых государствах континентальной Европы, главное здесь – согласие лица с обвинением, незначительность общественной опасности (по меркам того или иного государства), а также предшествующее поведение субъекта.

#### ЛИТЕРАТУРА

1. Семенцов В.А., Белохортов И.И. Оценка доказательств судом первой инстанции по уголовному делу: монография. М.: Юрлитинформ, 2012.
2. Свиридов М.К. Установление истины на предварительном расследовании и в судебном разбирательстве // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сб. статей. Ч. 51 / отв. ред. М.К. Свиридов, Ю.К. Якимович. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2011.
3. Петрухин И.Л. Концептуальные основы реформы уголовного судопроизводства // Государство и право. 2002. № 5.
4. Трубникова Т.В. Некоторые проблемы особого порядка судебного разбирательства // Материалы Междунар. науч.-практич. конф. «Уголовно-процессуальный кодекс РФ: год правоприменения и преподавания». М., 2004.
5. Строгович М.С. Избранные труды. Т. 3. Теория судебных доказательств. М.: Наука, 1991.